
Дѣла, дѣла больше!

Всѣмъ извѣстно, какимъ пламенемъ пьянства объята наша темная бѣдная деревня! Кому не приходилось наблюдать, какъ во власти „огненной воды“ тонетъ все святое, доброе и чистое, чѣмъ только и была славна и прекрасна наша святая Русь!. Да, деревня разложилась отъ пьянства: семьи стонутъ отъ дикихъ безобразій пьяныхъ отцовъ, хулиганство пьяной молодежи не поддается описанію, развратъ и распутство идутъ по слѣдамъ пьянства во всѣхъ направленіяхъ. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что пьянство привело нашу деревню и нашъ бѣдный народъ на край той пропасти, въ ужасныхъ глубинахъ которой нѣкогда скрылись

Содомъ и Гоморра. А какъ обидно и горько, когда подумаешь, что всѣ эти пьяные ужасы пріурочиваются, главнымъ образомъ, къ священному времени христіанскихъ праздниковъ, когда забывается все: и честный трудъ, и мирный семейный очагъ, и всякія нравственныя правила, когда у всѣхъ одна мысль и одно желаніе—безумно веселиться или, короче говоря, пить, пить и пить... А еще болѣе обидно и непонятно то обстоятельство, что мы, именующіе себя пастырями, спокойно и равнодушно миримся съ такимъ положеніемъ вещей, и ваша спокойная совѣсть не бьетъ намъ тревогу и не зоветъ насъ на тотъ страшный пожаръ, въ которомъ сгораютъ вѣренныя намъ души словеснаго стада. А вѣдь тутъ-то, среди пьянаго праздничнаго веселья, и творятся тѣ вещи, отъ которыхъ вѣетъ ужасомъ: въ дракахъ ломаются руки и ноги, разыгрываются всевозможныя кровавыя драмы, горятъ деревенскіе дворы и хлѣбныя гумна, а въ сумракѣ темной ночи сгораетъ... чистота нравовъ, сгораетъ цѣломудріе, сгораютъ въ чаду разврата юныя, чистыя души... А мы молчимъ, когда надо говорить, дѣйствовать, запрещать, умолять и, можетъ быть, часто молчимъ потому, что боимся услышать: „врачу, исцѣлился самъ“. Не секретъ и то обстоятельство, что и въ домахъ самихъ батюшекъ не стѣсняются поддерживать тотъ „праздничный“ тонъ, который такъ неподходящъ къ дому священника и который низводитъ этотъ свѣтильникъ деревни въ разрядъ обыкновенныхъ людей и роняетъ его съ высоты пастырскаго величія. А этого не должно бы быть. Все, что такъ или иначе бросаетъ тѣнь на жизнь и поведеніе священника, что принято понимать, какъ невинное удовольствіе, вродѣ открытой выпивки, пѣсенъ, танцевъ, картежной игры, не должно имѣть мѣста въ домѣ священника. Онъ цѣлою головою долженъ стоять выше своей паствы, онъ долженъ быть въ своей области, такъ сказать, рыцаремъ безъ страха и упрека, и по отношенію такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій долженъ помнить, что „вся ми лѣтъ суть, но не вся

на пользу... не вся назидают". Стоить только вообразить всю комичность положенія, всю профанацію пастырскаго слова, если за литургіей праздника священникъ будетъ призывать къ трезвости, говорить о достойномъ препровожденіи праздничнаго времени, а вечеромъ у него самого соберутся гости, будетъ выпивка и другія „невинныя“ удовольствія. Нѣтъ, если ужъ говорить о трезвости, то пастырь Церкви пусть первый покажетъ примѣръ трезваго житія; если говорить о борьбѣ съ пьянствомъ, то пастырь Церкви первый пусть подниметъ знамя трезвости и побѣдоносно пойдемъ съ нимъ въ народную толпу. Довольно словъ, довольно сухихъ печатныхъ проповѣдей!. Примѣра ждешь, примѣра ищешь нашъ простой народъ и, не найдя его въ насъ, теряетъ уваженіе и довѣріе къ нашему слову. Безъ личнаго примѣра дѣло отрезвленія паствы начинать нельзя, а начинать необходимо и—при томъ—немедленно же, потому что съ одной стороны и зло то слишкомъ широко разлилось, а съ другой—безъ идеи и отрезвленія всякая иная работа будетъ „не съ того конца“: какія нравственныя понятія ни прививай человѣку, какъ ни вдохновляй его красотами добродѣтели, все равно, если онъ не застрахованъ отъ пьянства, если онъ имѣетъ къ нему тяготѣніе,—онъ растеряетъ зерна добра и въ пьяномъ видѣ потеряетъ образъ Божій и всякими мерзостями загрязнитъ свою душу. Пусть же абсолютная трезвость самихъ пастырей ляжетъ во главу угла трезвеннаго дѣла. Иначе грѣхъ нашего нежеланія быть примѣромъ воздержанія будетъ не только грѣхомъ противъ заповѣди апостола: „образъ буди вѣрнымъ“, но и грѣхомъ историческимъ, грѣхомъ противъ вѣреннаго намъ роднаго народа, руководителями котораго добровольно захотѣли быть мы, но вывести который изъ тьмы пьянства на свѣтъ Божій не находимъ ни желанья, ни силъ. Но съ чего начать, какимъ путемъ удобнѣе подойти къ этому дѣлу?. Можетъ быть, существуютъ разнообразныя пути къ трезвости, можетъ быть, много другихъ средствъ борьбы съ пьянствомъ, но мы остано-

вимъ свое вниманіе на томъ, который ближе къ намъ, который провѣренъ жизнью и опытомъ пастырей и даетъ прекрасные результаты,—это путь религиозный, путь борьбы подъ священнымъ знаменемъ Церкви, борьбы крестомъ и Евангелиемъ, борьбы силою религиознаго чувства. Нужны непремѣнно основанныя на *религиозныхъ* началахъ общества трезвости, со св. иконами небесныхъ покровителей трезвенниковъ, съ крестными ходами, съ паломничествами и др. религиозными торжествами, такъ вдохновляющими простыхъ людей и такъ укрѣпляющими ихъ на подвигъ! Да, повторяемъ, нужны общества трезвости! Ихъ, впрочемъ, и стали открывать, но какъ открывать? Вотъ что пишетъ по этому поводу журналъ „Трезвые Востокъ“: „за одинъ только 1910 годъ открыто столько обществъ, сколько не видѣла Русь православная за всю свою долгую исторію“. Открывалъ кто только хотѣлъ и какъ только хотѣлъ. Открывали и на бумагѣ, и въ самомъ дѣлѣ, открывали и съ помпой и безъ помпы, съ шутками „для отписки“, „для отчетности“, записывали въ члены—трезвенники первыхъ пришедшихъ на умъ покойниковъ(!)... Картина получилась самая грустная. Если взглянуть на бумагу,—пышный ростъ и процвѣтаніе трезвости, какая то сказочная метаморфоза въ настроеніяхъ духовенства; если прислушаться къ жизни—гибель отъ лицемѣрія и полное разложеніе“... („Тр. Вост.“ 1911 г., № 1). Вотъ надъ этимъ то фактомъ и приходится призадуматься, надъ такимъ то положеніемъ вещей и приходится поскорбѣть, опасаясь, что за святое и великое дѣло люди могутъ взяться „въ угоду только модному теченію, безъ вдумчивости, безъ проникновенія, не осмысливая свою работу, а просто такъ... „какъ нибудь“, „съ грѣхомъ пополамъ“...

Такимъ образомъ, явилась опасность съ совершенно другой стороны, опасность такой постановки дѣла, отъ которой идея отрезвленія не только пострадаетъ, но и отцвѣтеть, не успѣвши расцвѣсть“. „Сказать: будь трезвъ,—пишутъ „Трез-

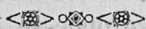
Всходы“ — все равно, что сказать: „да будетъ свѣтъ“. Здѣсь надо вновь родить человѣка, съ корнемъ вырвать всё, гнѣздяшіеся въ немъ дурныя задатки и предрасположенности. Однимъ словомъ, здѣсь надо чудо. Но имѣемъ ли право мы ожидать его и ожидать безъ всякаго дѣятельнаго участія съ нашей стороны именно тамъ, гдѣ необходима упорная работа надъ перевоспитаніемъ нравственной личности человѣка“ (тамъ же, 1911, № 1).

Нѣтъ, съ легкимъ сердцемъ, съ обычной нашей теплохладностью этого дѣла нельзя начинать, какъ нельзя пахарю сѣять на неудобренной и невоздѣланной нивѣ. Надо много и серьезно поработать прежде открытія общества трезвости, нужно предварительно настойчиво и подробно развивать эту мысль, раскрывать народу тѣ ужасы и послѣдствія, какіе влечетъ за собой пьянство и, внушивши страхъ и отвращеніе къ пьянству, приступать къ дѣлу. Затѣмъ надо собрать всё силы духа, умѣнья и настойчивости, чтобы поддержать первую горсть трезвенниковъ на высотѣ ихъ новаго положенія, вдохновить ихъ прекрасными перспективами трезвой жизни и подкрѣпить ихъ духъ къ перенесенію неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ искушеній, насмѣшекъ со стороны, принудительнаго спаиванья, соблазна всевозможныхъ пьяныхъ компаній и т. п.

Иначе дѣло можетъ принять плачевный оборотъ съ самаго же начала, и тогда его не спасти. Если же эта первая горсть трезвенниковъ оправдаетъ возложенныя на нее надежды, тогда успѣхъ дѣла, можно сказать, обезпеченъ, честь трезваго знамени будетъ спасена... —Итакъ, будемъ помнить, что не тѣ общества трезвости, которыя открываются „для отписки“, „для отчетности“ оставлять замѣтный слѣдъ въ исторіи отрезвленія родного народа, но общества искренно и по убѣжденію открытыя. Не бѣда, если мы, скромные поборники трезвенной идеи, увидимъ одни только „всходы“ нашего дѣла; все равно, и они будутъ веселить насъ, все равно,

мы будем вѣрить, что вырастетъ и зрѣлый колосъ на нашей нивѣ, а если мы не доживемъ до этого счастья, то одно сознание исполненнаго долга наполнить радостью сердца наши на закатѣ дней нашихъ, и этой радости „никтоже возьметъ отъ насъ“...

Священникъ *Сергій Петровскій*.

Паства и пастырь въ ихъ современномъ состояніи.

Изъ дневника священника *)

Болѣе десяти лѣтъ я состою священникомъ и, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что вѣра въ народѣ падаетъ. Присматриваюсь къ прихожанамъ другихъ сель и вижу то же. Остановлюсь на ближайшемъ районѣ, въ который можно включить болѣе десяти сель. Помнится, раньше народу въ храмѣ было въ праздничные дни много, а чѣмъ дольше живешь, тѣмъ все меньше и меньше видишь поспитителей дома Божія.

Вскорѣ, какъ я поступилъ въ приходъ, въ нашемъ районѣ стала проводиться желѣзная дорога, появились лѣсопилки, усилилась рубка лѣса на дрова; работъ всякихъ крестьянамъ хватало и на праздники; думалось, народъ потому и пересталъ ходить въ храмъ, что некогда: то везуть что нибудь на желѣзную дорогу, то за получкой денегъ ѣдутъ, то, наконецъ, годъ неурожайный—прокормиться надо, ну, и работаютъ, не разбирая дней. Но были годы, когда и работы было мало, однако наблюдалось немногочисленство въ храмѣ. Въ годы засухъ, когда назначается общественное моленіе о дождѣ, много-ли присутствуетъ народу въ храмѣ и сопутствуетъ причту съ крестнымъ ходомъ по полямъ? А непремѣнный долгъ исповѣди и св. причастія какъ исполняютъ? Ходишь нарочно предъ ве-

*) *Примѣч. ред.* Вслѣдствіе субъективизма, какимъ проникнута статья, нѣкоторыя изъ сужденій автора въ объективномъ смыслѣ должны быть признаны недостаточно правдивыми: нѣтъ основаній полагать, что нашъ народъ, а главное—православное наше пастырство такъ низко стоятъ въ духовномъ отношеніи, какъ это хочетъ представить авторъ.